

Владимир Ким

**История делового
Сверхчеловека**

2022

Эпизод I «Ликующий триумфатор»

Он наконец очнулся – кто-то настойчиво тормошил его за плечо, пытаясь отлепить от теплого мраморного пола. Сквозь полусон лениво пробивались отдельные слова, смешанные со смехом и недовольным ворчанием прохожих.

Бездомный почувствовал на щеке жар и частое дыхание над самым его ухом. Он повернулся и увидел морду довольной ухоженной овчарки. Она с любопытством на него глядела, играя бровками, видимо размышляя, гавкнуть на это полулежащее создание или нет. Верный пёс переводил взгляд то на него, то на рядом стоящего офицера, который уже несколько минут пытался растормошить Крупского...

– Мужчина?! Вам плохо? Может скорую вызвать?! Вы меня слышите? Здесь нельзя спать, вы всем мешаете... Ну же!.. – офицер правопорядка попытался поднять бездомного на ноги, но тот только лениво от всех отмахивался. Рядом, как водится в таких случаях, возник придурковатый тип, явно начинающий тик-токер, с жадной привлекать к себе немного внимания и, возможно, слегка хайпануть:

– Да таких, как он, надо на удобрения пускать! Ну у него же морда типичного... типичного..., слышь, давай скажи мне прямо в камеру – Я мудака! – тик-самодур достал потрёпанный телефон и начал тыкать им прямо в лицо бесприютному.

Наступил летний вечер, оставив раскалённое Солнце далеко позади. Тёплый воздух с запахом метро вырывался из тёмного горнила, наполняя всё вокруг атмосферой уличного уюта. Прозрачный голубой свет преломлялся стеклом дверей, бросая ломаные беспокойные тени, спешащих поскорее освободиться от мраморного плена метрополитена, людей. Красные ворота – станция великого города – приняла на свой стоптанный миллионами ног пол обыкновенного бездомного – молодого мужчину 42 лет. Один ботинок его слетел и был отброшен далеко в проход, а второй еле-еле держался на большом пальце. Полинялые брюки были неопрятно подвернуты, оголяя на редкость чистые щиколотки. Несмотря на весь этот антураж, бездомный был по-мужски красив. Офицер заметил это по лицам запинаящихся о него девчонок, брезгливые физиономии которых сменялись сначала удивлением, а потом и откровенным любопытством. И только новые вибрации мобильного, возвращали их в старый плен иллюзии общения.

– Эй, мужик?! Не встанешь – мы тебя выкинем к чёртовой матери! Давайте возьмём его за ноги и в угол бросим, – не унимался сердитый тип, снимая видео.

Устав взывать к его совести, офицер взял Александра за подмышки и поволок его в самый угол, подальше от стеклянных дверей и случайных ног.

– Но, но!.. Эээ... – замычал Крупский, болтая ногами, пытаясь попасть пяткой в камеру тика. Чувствуя, что интермедия несколько затянулась, он с силой вырвался, отряхнулся и неожиданно схватил сердитого прохожего за мягкий воротник. Проницательно вглядываясь в мутные от безнаказанности глаза, бездомный начал свою назидательную отповедь. И оказалось, что под грязным пиджаком билось вполне благородное сердце.

– Послушай, животное. Кто ты? О чём ты?! – зашипел Крупский, оглядываясь по сторонам, – может ты запустил человека в космос? Или придумал вакцину от всего на свете?! Или способен прочесть наизусть хотя бы одну главу из Евгения Онегина?.. А?! – заорал Крупский прямо ему в наглуую, отупевшую от долгого сиденья в смартфоне, рожу.

– Какой Евгений? Какой Онегин?

– А вот моя горячо любимая дочь способна! Я её так наказываю... – прищурил глаза, выдавливал из себя Крупский.

– Если она провинится, – наступал Крупский, – нарушит своё обещание или нашкодит не в меру – я её наказываю. А наказываю я её так – заставляю учить наизусть Пушкина или Есенина. У тебя, по всей видимости, как были с пяти лет в голове одни опилки, так они там и лежат нетронутые.

Неизвестно, чем бы вся эта история с учением и наказанием закончилась, если бы внезапно переход метро не наполнился людьми в тёмных и дорогих костюмах. Они выстроили собой живой коридор и было видно, как один из них, заметив Александра и его случайную историю делового сверхчеловека

жертву, подошёл к офицеру, который до этого внимательно слушал обоих.

– Здравствуйте, – обратился он к офицеру. – Надеюсь, особых хлопот вам этот человек не доставил. Мы сейчас все удалимся. Прошу нас извинить. А вас я попрошу удалить видео. При мне.

Начинающий «тик» нехотя полез в приложение и удалил свою маленькую интермедию, сулившую так много отклика недалёковидной публики.

Лицо молодого офицера полиции удивлённо вытянулось, он глядел то на бывшего бездомного, то на всех этих людей и ничего не понимал. Крупский, отпихнув начинающего тиктокера, поблагодарил офицера за искреннее участие в его непростой Судьбе и шатаясь, направился к выходу.

– Искать вас становится всё трудней, Александр Владимирович, – тихо произнёс один из охранников.

– Умным людям всегда нелегко – как говорил великий царь Соломон.

Александр почувствовал настоящий детский восторг! Ещё раз ощутить дикую пропасть между ним и совсем простыми людьми. Ощутить и буквально потрогать руками личный апогей тщеславия и внутренней силы, от которого даже глаза закрываются... Все поднялись на поверхность и направились к темневшему вдалеке кортежу.

– Да, в субботу Давос... Глупая ярмарка всемирного тщеславия под маской обмена опытом. Вы всё подготовили? – вспомнил Крупский, обращаясь к Южному – начальнику своей огромной охраны.

По самой большой стране Мира разливалось лето, накаляя три огромных внедорожника личной охраны, как мы увидели, не совсем простого человека. Южный, отдав короткие команды, усадил Крупского в автомобиль, сам сел впереди, и вся кавалькада тронулась по московским улицам, оставляя позади молодого офицера с верной овчаркой, станцию метрополитена вечного города, случайных свидетелей, что уже успели всё позабыть и снова начинали тонуть в своих маленьких радостях и заботах, ссорах и примирениях.

Офицер с полминуты глядел в опустевший переход и пытался объяснить себе всё произошедшее.

– Хм... Наказывать ребенка учением стихов наизусть?.. Что-то в этом есть, – улыбнулся про себя постовой и побрел совершать свой обычный обход. За ним потянулся и верный пёс, который уже строжил на человека, идущего им навстречу с большой гардиной наперевес.

Эпизод II Седьмая русская сигма

Вот она, вечерняя жизнь гордого города... Сквозь тонированные стёкла сменялись одна за одной уличные сценки, и глаза хотели выхватить только красивые лица из вечерней мешанины фигур. Вот странно одетая молодая пара зашла в кафе, гадая про себя, чем же закончится их свидание. Кто-то родился, кто-то полюбил навсегда, не встретив взаимности... Но Крупский ничего не замечал, он просто лежал, закрыв глаза, и чувствовал усталость, что сменила приятную лёгкость и детский восторг.

– Как же достал этот шум! Люди, какой смысл сигналить друг другу? Все и так хотят скорее домой, – проговорил Крупский, открывая глаза. Кортёж стоял посреди огромной пробки на одной из маленьких улиц Москвы. Самые нетерпеливые сигналили друг другу, как будто это могло растворить надоевший затор. Крупский, устав от отсутствия движения, набрал номер своего первого заместителя Любимова.

– Здравствуй, Любимов. Крупский. Через час буду у тебя, составим план выступления в Давосе. Мероприятие бессмысленное, но сильно украшает наш капиталистический быт. До встречи. Как я терпеть не могу эту задумку якобы мировых мыслителей. Всё это для людей, которые думают, что они умны, – раздражался Крупский, снимая свой гадкий пиджак. – И не поехать нельзя...

– Саша, раз уж мы летим в Швейцарию, ты не против, если я супругу возьму с собой?.. – обернулся Южный.

Собираясь на такого рода мероприятия, Крупский всегда невольно погружался в далекие, юношеские воспоминания, к истоку семейного дела, которое основал его отец Владимир Сергеевич Крупский – человек железобетонной воли и фантастической финансовой интуиции. Отец мог положить всё на алтарь победы – всё для достижения цели. Каждое мгновение он чувствовал свою ответственность перед страной и самим собой.

В дикие 90-е, в эпоху тотального разрушения всего, что делало великий Союз сильным, семья выкупила Богом забытый маленький завод, продав все квартиры, которые были у семьи, уговорив родственников пойти на тоже самое. У здания завода ставни были только на третьем этаже, да и те беспомощно висели, наводя унылое впечатление полной разрухи на всех, кто смотрел на это снизу-вверх или просто проезжал рядом и бросал случайный взгляд на эту полуразбитую кирпичную тоску. Во всех производственных помещениях не было даже беспорядка – было настолько чисто – всё вынесли равнодушные граждане на металлолом. Только каким-то чудом остались массивные станки, которые потом восстанавливали не имея лишних средств, буквально руками. Ему исполнилось тогда 14 лет, но он уже понимал, что наступило время, когда необходимо много работать и рассчитывать только на себя, чтобы не только выжить, но и главное – заложить фундамент для своего личного будущего.

Когда он неожиданно поступил на математический факультет, родные подумали, что сын решил связать свою жизнь с наукой. Крупский обожал математику: часто решая разные любопытные задачки в своём блокноте, но проучившись до 3 курса, неожиданно оставил университет и надолго забросил науку.

Восстановив нечеловеческими усилиями разрушенное производство, Владимир Сергеевич с командой мотался по всей стране в поисках уникальных людей и хоть каких-то рынков сбыта. Он использовал любую возможность, которая может продвинуть семейное детище. Сильный и по-мужски привлекательный, он каким-то мистическим образом влюблял в себя и мужчин, и женщин. И сын во многом унаследовал эту черту. Крупский запомнил ту весну, когда они с отцом гуляли по весенней земле и смотрели, как разворачивалась огромная стройка семейной усадьбы. Отец в редкие минуты свободного времени открывал для сына шесть великих сигм, но как всегда начинал он издалека:

– В каждом из нас живёт Сверхчеловек. И каждый из нас просто обязан раскрыть его в себе на благо семьи, Родины и самого себя. Юрий Гагарин, Анатолий Букреев, спасший нескольких людей на самой высокой вершине мира, гениальный гроссмейстер Михаил Ботвинник – все они сделали это. Следи за опытом заокеанских коллег. Не отвергай их опыт! Гениальный организатор – Стив Джобс – используй его методы в своей жизни.

– Пап, ты это к чему? – недоуменно пожал плечами Саша.

– Пойми, недопустимо, когда человек горит талантом, способностями или, – он внимательно посмотрел на сына, – у него хорошее основание, как у тебя, и при этом он ничего не предпринимает. Лень, глупость просто пожирают его. Не реализация своего таланта – это тоже преступление!

Саша молча слушал отца, не зная, что сказать и как вообще реагировать.

– Смотри-ка, уже стены возводят... – пробормотал Владимир Сергеевич, глядя как работники, страшно переругиваясь, пытались привести в вертикальное положение огромную перегородку.

– И что, во мне тоже есть сверхчеловек? – нетерпеливо спросил сын.

– Безусловно! И каждый, кто начинает своё дело и хоть немного успешен в нём, уже сверхчеловек в своём роде. Никого не бойся. Не бойся положить на алтарь достижений всё и вся. Не бойся людей, которые могут тебе навредить. Живи достижениями твоих соотечественников, удивляй себя своими победами. Будь пронцательным, сильным, живучим. Люби людей. Твоя жизнь будет наполняться событиями, и будут они, как маяки. Правильно распознавая их, ты будешь достигать успеха. Это могут быть трагические потрясения или напротив, прекрасные встречи. Случайно обронённая фраза прохожего или короткий видеоролик в сети. В твоём случае, программа минимум – преумножить семейный капитал и развить в себе широкий духовный кругозор. Деньги любят тишину, а большие?.. – вопросительно улыбнулся отец.

– Молчание, – отозвался сын.

– Хочешь настоящего успеха – соблюдай тишину, не превозносись над другими. И читай хорошие книги, – закончил отец.

Так для него открылась седьмая русская сигма, которую мы поставим на первое место. Когда они выбрались наконец из города и проезжали крутой поворот, так, что все наклонились набок, он вспомнил одну полночь: на улице по какой-то причине совсем не было света, как в час Земли. В его огромном кабинете на столе из красного дерева горела только старая настольная лампа отца, погружая всё в полумрак. Мебели было немного, но та, что стояла, была дорога и внушала священный страх всем новичкам в компании. На одной из стен висела огромная картина во вкусе Шишкина, с панорамным пейзажем из русской природы, а на противоположной стене сияли полотна с морскими пейзажами. Любовь Крупского к каминам и здесь проявилась в виде гранитного сооружения от местных подмосковных мастеров. Русский талант и вкус здесь играл всеми гранями. Одним словом – грандиозно, со вкусом и без пошлости.

Напротив него сидел его главный казначей Валентин Мильгром и читал вслух отчёт по доходам за прошедший квартал, сверкая старомодным пенсне. А Крупский в своём чёрном кожаном кресле (дома он держал белое), закрыв глаза, его слушал, катая в руках маленькую ромашку, подаренную ему новой и, по всей видимости, отчаянной сотрудницей. Большой этаж давно опустел, и редкие коллеги бродили по мягким дорожкам стеклянного офиса, лелея надежду попасться на глаза своим суровым начальникам в столь поздний час.

– То, что все доходы до 2021 года были удержаны нами и реинвестированы в собственные производства, было правильным решением, Александр Владимирович. Таким образом удалось достичь ситуации, когда темп роста собственного капитала стал намного выше, чем темп роста заемного... – тихо басил Мильгром, поблескивая оправой. Он долго читал отчет, останавливаясь на важных моментах, а в конце уже позволил себе тонкую улыбку – улыбку всеобщего успеха. Закончив читать, Валентин отложил отчет на край стола и незаметно вздохнул. Крупский открыл глаза, и глядя на сильного Валентина, подумал: “Самое главное везение – это везение на людей... Я хороший сын, я приумножил состояние отца”. Это была команда сильных, умных и чрезвычайно живучих людей.

– Валентин, я помню, что вы родились не в Москве. Вы приехали будучи студентом?

– Ммм.. ну как вам сказать? Не совсем так... Первое время в Москве было для меня самым новым и тяжелым. Мне было всего 19. Время, когда я жил между гаражами, – услышав такое Крупский даже приподнялся.

– Да, да... – заулыбался Мильгром, – потом университет. Который, кстати, впоследствии закрыли, а ректора посадили за мошенничество. Только время потерял... А как долго я пытался получить комнату в общежитии, – продолжал он, принимая кофе от секретаря Катеньки. – Спасибо милая... Носил шампанское, фрукты. Поголодаю дня три, скоплю денег и куплю. И так до тех пор, пока не получил разрешение на проживание.

Валентин замолчал, сделал несколько глотков и несмело спросил:

– Я знаю у вас дочь... У меня тоже две дочери. Скажите, у вас случаются с ней недопонимания? Когда она говорит, что «типа» никто её не слышит?

– Ну конечно бывает. Я же живой человек, и она живой человек – живой 11-летний человек.

– А как вы находите к ней дорогу? Образно говоря.

– По-разному... Когда я чувствую и вижу, что в ней уже много всего накопилось, то я зову её в ресторан. В любой стране мира: Китай, Бразилия, Италия. Чаще она, конечно, выбирает Китай.

– Китай? У неё хороший вкус.

– Хороший вкус у неё от меня. Мы вдвоём с ней едем в ресторан, отключаем телефоны и мирно ужинаем, решая все вопросы, что накопились в её маленькой жизни.

– Как интересно! – искренне отреагировал Валентин.

– Ну да, ну да.

Неожиданно Крупский предложил Мильгрому вопрос:

– Представьте. Вы идете по улице, сильно раздражены и готовы сорваться в любой момент. Что могло бы вас обезоружить?..

– Обезоружить? Ммм... Думаю, доброта случайного прохожего...

Оба улыбнулись и стали собираться домой. Сколько положено было сил, чтобы их семейное детище достигло планки, которая была для Крупского экзаменом на личную состоятельность. Экзамен на склад ума и образ мыслей. Для него и его команды. Доход семейного дела превысил один миллиард рублей. Большие кованые ворота медленно уплыли вправо, открывая невероятный вид на трехэтажный дом с вечными белыми колоннами, где в глубине сиял высокий, голубой фонтан. Они беспрепятственно въехали в огромный двор и остановились на овальной площадке. Александр вышел из машины и направился к своему большому особняку.

– Нигде так сильно не ощущается проклятое одиночество, как у себя дома, особенно в первые минуты после прихода, – тихо пошептал Крупский, раздеваясь в прихожей. И вечное отсутствие дочери только усиливало в нём чувство душевной пустоты. Тяжелый, неприятный развод с первой женой надолго отбил желание заводить постоянные отношения с кем бы то ни было. Были конечно романы, были увлечения, но всё это только подчеркивало неустроенность и полную неразбериху в его бурной личной жизни. Хотя были периоды, когда он месяцами не позволял себе общения с женщинами и полностью погружался в работу и воспитание любимой дочери.

– Может позволить себе несколько дней отдыха и поехать на Алтай?.. Или нет, лучше к морю, – подумал Александр, читая сообщение дочери, где она целовала любимого папочку и сообщала, что будет сегодня ночевать у мамы.

Эпизод III Ты моя Любовь. Ты моя жизнь.

– Мои вещи остались у дверей, будьте добры распорядиться, чтобы их помогли поднять в номер... – обратилась к администратору одним ранним морским утром высокая, миловидная брюнетка лет 24 у стойки одной местной гостиницы.

– Простите, вас зовут?

– Инга, Инга Романова, – она протянула документы, отряхивая большой мокрый зонт.

Она попала под сильный ливень, и белый плащ на ней был насквозь мокрым. Солнце, привлекая на свежие улицы первых котов, осторожно выглядывающих из кустов и жмурясь от яркого света, показалось сразу, как только Инга нашла гостиницу.

Лёгкая и пугливая, с приятными зелеными глазами, наша Инга поселилась на втором этаже гостиницы с красивым видом на маленький цветущий сад. С особым удовольствием начала она раскладывать свои многочисленные вещи. Любимые баночки и тюбики тут же оказались на туалетном столике. Увидев своё отражение в большом зеркале, ей так стало жалко саму себя, что она неожиданно заплакала. Но какое-то лёгкое чувство радости вдруг подхватило её и понесло прочь от всех неудач и усталости, столь щедро осыпанная ими в последнее время. Выскочив из номера, она побежала по узкой дорожке к морю и провела на берегу всё утро до самого обеда.

Спала она одна на большой двуспальной кровати. Мало ела, постоянно заказывала компот из сухофруктов и тайком кормила местных бродячих собак и котов, украдкой унесенными котлетами из местного ресторана. А те от благодарности обнаглели так, что уже с раннего утра топтались возле ворот, пылливо разглядывая входящих, провожая их носами на своих мохнатых мордах.

Вот и Крупский, которому остопротивела московская зима с её унылым сиреневым небом, встретив с семьей долгожданный Новый Год и не сказав ничего родным, отправился на Чёрное море избавляться, по его выражению, от "великосветской хандры", что мучила его каждый раз, когда выпадал первый снег. Прилетев в Сочи, Крупский долго гулял по набережной, обедал, можно сказать, где придётся, дерзко заглядывая в глаза встречным девушкам, а когда уже совсем стемнело и потянуло с моря холодом, он решил поискать ночлег, зайдя в первый попавшийся отель.

Крупский уверенно вступил в полуосвещённый холл, нашел глазами административную стойку и начал нетерпеливо жать на звонок. Через минуту звонкого бряканья к нему вышла заспанная девица, предложила ему заполнить бумаги и показать паспорт.

Крупский склонился над высоким столом и заскрипел местной ручкой, старательно выводя свои каракули. В этот момент на лестнице появилась девушка с маленьким пакетом и с большим желанием выбежать на улицу как можно скорее.

– О, девушка! Да, вы. Скажите, а как вас зовут? Или нет, лучше скажите, вот вы способны сделать мужчину счастливым? – ни с того ни с сего спросил Крупский, отрываясь от бумаг.

– Об этом я не задумывалась, – пожалала она плечами.

Крупский усмехнулся, взял ключи и устало побрёл к себе в номер. Кое-как разложил вещи, умылся, лёг в постель и тотчас же заснул. Началось долгожданное освобождение от "великосветской хандры". Какие сны ему снились? Самые разные: эротические, отражая впечатления от увиденных за день незнакомок, и бессмысленные, как когда очень сильно устал и ничего уже не хочешь. Ни от себя, ни от других.

Ночь пролетела быстро и на следующее утро южное Солнце ласково будило его. Редкие дни в году – когда он мог подолгу лежать в постели и думать в одиночестве о приятном и никуда не спешить, переворачиваясь с одного бока на другой, лениво открывая глаза и тут же их закрывая. Время, когда он принадлежал только себе. Навалывшись вдоволь в уютной постели, он наконец поднялся, привёл себя в порядок, помылся и заказал чай с мятой.

– Да... Природа, море, кипарисы и никакого снега. А Сочи радует в этом году, зима совсем тёплая, 15 градусов тепла, – рассуждал он, стоя у окна.

На противоположной стороне улицы, среди коротеньких пальм, Крупский заметил странную возню. Возня включала в себя стройную женскую фигурку и табунчик бродячих

собак, весело виляющих хвостами. Девушка, по всей видимости, кормила бездомных псов и радовалась совершаемому доброму делу. Внезапно, самая маленькая дворняжка, не дождавшись пока очередь дойдёт до неё, быстро схватила пакет с котлетами и понеслась со всех лап прочь. Благодетельница ужаснулась, побежала за ней вдогонку, надеясь спасти хотя бы часть котлет. Дворняга понимала, что такой шанс выпадает раз в жизни и неслась с безумными глазами по набережной.

Эта сцена ужасно развеселила Крупского, он узнал в фигурке вчерашнюю знакомую, которая, как выяснилось, ещё не определилась, способна ли она сделать мужчину счастливым или нет. Он никогда не видел её с кем бы то ни было и понял, что в гостинице она скорее всего одна, и завязать непринужденное знакомство благоволит сама природа. Осталось лишь создать ситуацию и воспользоваться мужской интуицией. А как её зовут, он уже выяснил – Инга.

И вот однажды поздним утром скучающий Крупский, разглядывая полёты двух чаек, неожиданно заметил Ингу, которая вот-вот должна была войти к себе в номер. Внезапно, желание тотчас же пересечься с ней пересилило лень и скуку, а заодно возник повод прогуляться до бушующего с ночи моря. Бросив недопитый кофе на подоконник, Крупский накинул белую куртку и с гордым видом во всей своей высокой статной фигуре, подгадав нужный момент у запертой двери, резко двинулся по лестнице к выходу. Спускаясь, он даже не взглянул на неё и спокойно, маршевым шагом пошёл дальше. Его маршевое невнимание родило в Инге неприятное смятение и она, дойдя до двери номера, тихо закрыла её за собой.

На следующий день, когда свежий морской воздух нёс с собой неясное предчувствие радости и ласково обвивал сидящую на качелях Ингу, Крупский незаметно подкрался и несколько минут стоял рядом, опершись о стойку, внимательно разглядывал её волосы, ноги, грудь... Поглощённая своими мыслями она даже не заметила, как он встал рядом.

– Я заметил, вы уже несколько дней здесь, и живем мы с вами под одной крышей... – начал Крупский, когда она наконец его заметила.

– И вам доброе!

Крупский элегантно наклонил голову, а девушка с любопытством замерла, ожидая, что же он скажет дальше, заранее улыбаясь про себя.

– Ты давно родила во мне желание заговорить с тобой, – Крупский сразу перешел на ты.

– Я это заметила, – внезапно ей захотелось немного возвыситься, и пробудилось страстное желание уколоть эту нагловатую, самодовольную физиономию, так грациозно улыбающуюся, – только я думаю вам это необязательно.

– Отчего же? – спросил Крупский.

– А оттого же – я давно уже встречаюсь и мне неинтересны случайные знакомства, – прищуриив зеленые глазки выпалила Инга

– Ну да, случайные знакомства очень опасны. Можно незаметно для себя выйти замуж. Я Александр. Вы Инга, я уже узнал. И у меня родилась идея: мы полетим с вами в Рим, дней на 10. Не больше. А своему мужчине вы что-нибудь аккуратно соврёте, если он, конечно, существует, – заключил Александр. Такого поворота его предполагаемая подруга не ожидала и несколько затуманилась:

– А почему именно Рим? Я вот хочу в Израиль.

– О, мы уже выбираем. Назови я любой иной город, твой вопрос был бы тем же.

К такой находчивой наглости Инга никак не была готова. Море немного притупило острое чувство одиночества, когда она только приехала, но этим утром оно вновь к ней вернулось во всей своей силе.

– Прогуляемся вместе до моря?.. – предложил Крупский.

– Только если вечером. Днём я буду летать на парашюте. Надо же осуществлять свои мечты, – ответила Инга, поднимаясь с качели и замечая, что она немного выше своего визави.

Как же прекрасны прогулки у моря!.. Огромная жажда жизни и любви здесь проявляется как нигде. Гуляя, узнали, что оба из Москвы. Это сблизило. Ожидаемо обсудили снег в столице и новогодние украшения проспектов. Как и все москвичи, поругали нечистую московскую зиму, вечно холодное лето и казавшийся вечным – карантин. Уют морского

окружения, гудки парашоудов рождали в обоих теплоту, желание улыбаться друг другу. На второй день совместных прогулок Инга начала его пытаться вопросами, кто он и чем занимается, но Крупский отвечал уклончиво, но потому как он был уверен в себе и одет, Инга по-женски делала далеко идущие выводы.

– Ну попробуй выразить свою деятельность и интересы одной фразой, – не унималась Инга, видя, что от Саши ничего толком не добьешься. Отбежав на несколько шагов к морю и взобравшись на огромный камень, она прокричала:

– Саша, фраза-максима! Давай!

Крупский, фотографируя радостную Ингу, бормотал: “Ты ещё такой ребёнок. Как же я буду жить с тобой?”.

– Что? Не слышу! Чайки орут. А я вчера с высоты видела морской вокзал и большие белые яхты. Невообразимая картина, – веселилась Инга, начиная пританцовывать на гладком камне. Крупский поглядел на ласковое море, потоптал песок одной ногой, сфотографировал в последний раз подругу и наконец определился:

– Безупречность исполнения порождает культ... Шахматы, оружие, золото.

– Ого! А ты не так прост, каким хочешь мне казаться. Скрытный... Отчего ты такой скрытный, а, друг мой? Как же прекрасна наша жизнь, Саша... Как же она прекрасна.

– Да, она прекрасна. Вполне соответствует моим ожиданиям.

Спустя несколько дней они вместе вышли из его номера, спускаясь по лестнице к завтраку.

Придя практически первыми, они набрали себе полные подносы аппетитной еды и долго выбирали среди множества пустых столиков удобный, и сели друг напротив друга.

– Расскажи, что ты любишь, о чем мечтаешь? – спросила Инга.

– О своём апельсиновом саде. Люблю есть сладкий виноград у окна.

– Какие масштабные мечты.

– Мечтаю, чтобы в нашей стране вновь всеобщим идолом стало Созидание. В этом и есть вся русская идеология. Все о ней много говорят, только немногие её видят. Прославление наших лучших качеств в кино, литературе, живописи, да в том же тик-токе. Русский дух и русский гений – это все планетарного масштаба.

– Как Ленин? Планетарный Ленин? – тонко улыбнулась Инга.

– Да, – усмехнулся Крупский. – Чтобы в молодежи рождались герои науки, искусства. Герои дела. Если ты блогер, выучи итальянский и китайский, транслируй свои смыслы на весь мир, найди новые способы выражения. Если ты шахматист, стань чемпионом мира. Если ты математик, равняйся на Перельмана. А то, это желание жрать из всех корыт, мягко говоря, удивляет. И чтобы не нарушалась связь поколений. Киевская Русь – Российская Империя – Советский Союз – Империя нового типа, современная Россия.

Инга, понятное дело, совсем не это ожидала услышать, а услышать очень хотелось, поэтому она повернула разговор в желаемое:

– Ну ты прям идеалист! Лучше расскажи, ты был женат? У тебя есть дети?

– Да, у меня дочь, она осталась со мной после развода. Бывшей жене хватило ума не препятствовать этому. Правда, я не люблю об этом говорить.

Крупский несколько затуманился, видимо вспоминая то, что вспоминать не любил. Чтобы отвлечься он перевел разговор на другую тему.

– Современная молодежь прекрасна. Ты обратила внимание, насколько красиво современное поколение? Но надо понимать, что многие нуждаются в поддержке, чтобы им указали путь и направление. Задали высокую планку. Чтобы каждый выходил на совершенно иной, новый уровень. Независимо оттого, чем ты занимаешься.

– А я думала ты мечтаешь найти настоящую любовь...

Александр неожиданно разразился таким искренним смехом, что проходящая рядом юная официантка выронила с подноса корзинку с купюрами. Только когда Инга уже была готова окончательно обидеться и уйти, он примирительно улыбнулся и помог собрать красивые купюры с пола, и смотря на спутницу снизу-вверх, заговорил:

– Ну прости, прости. Рассмешила. Такие мечты оставим для барышень.

– Для барышень? Неужели для барышень?! Саша, милый, отчего вас, мужчин, это так мало волнует?! Настолько эгоистичны и любите только себя? Ваша жизнь, вся ваша жизнь, все ваши мысли вращаются вокруг каких-то абстрактно-возвышенных идей, именуемые работой или увлечениями. Вот только наша жизнь всегда вращается вокруг вас. И когда мы только маленькие девочки, да и до самой нашей женской смерти.

Раздосадованная Инга оставила надкусанное пирожное и отвернулась к морю. Она имела талант обижаться на любую мелочь. Крупский молча пил апельсиновый сок, внимательно разглядывая свою спутницу.

– Идеализированные какие-то отношения. А для меня женская реальность немного иная. Да, вы способны любить по-настоящему, как никто. Но есть женские особи, что выбрасывают своих детей в окно с 12 этажа. Как мусор. Или ненужный хлам после генеральной уборки. А большинство и вовсе приторговывает собой называя это «МП», даже будучи, – тут Крупский криво улыбнулся, – в «отношениях». Как же это пошло. Даже вслух произносить противно.

Инга что-то хотела ответить, но подумала и промолчала. Время шло, завтрак подходил к концу и обоим нужно было определяться, как провести новый день. Внезапно Крупский прервал невесёлые мысли Инги:

– Тебе сложно быть верной?

– Сложно ли мне быть верной? Ну... Если... Если я чувствую его любовь, то... Наверно не так сложно, – наконец нашлась Инга. Крупский допил сок и ничего не ответил.

Дни быстро пролетали, закончился отпуск и надо было возвращаться в Москву. Инга долго не могла поменять билет на дату Крупского – не было свободных рейсов, пока одним звонком Александр не решил буквально всё. Это было, конечно, эффектно, но на все вопросы любопытной подружки он только морщился и просил ни о чём не спрашивать.

– Какой же ты иногда противный! С тобой, что на американских горках – утром можно быть в восхищении, а в обед думаешь – как бы побыстрее собрать свои вещи, – сердилась Инга.

Удивительно, как Инга смогла так легко поддаться новому знакомству. Всегда пугливая, мнительная, безумно обидчивая. Те немногие свидания в её жизни, почти всегда заканчивались ничем, поскольку, чем симпатичней и интересней был мужчина, тем настойчивей она пыталась избежать свидания с ним. Отчего? Наверно оттого, что опасалась не оправдать надежд такого мужчины. Оставляя его каждый раз в красноречивом недоумении. Конечно, это были совершенно абсурдные страхи, никогда не приходящие в голову обычным женщинам, но вот ею они владели и не только владели, но и каждый раз мешали ей создать наконец семью и стать замужней, ну или хотя бы побыть в любовных отношениях более месяца.

По приезде в Москву они не утратили связь и начали встречаться. Приближалось лето, и Крупский, долго колеблясь, постоянно внутренне откладывая, всё-таки решился и сделал предложение Инге, и они поженились. Это была тихая роспись, с немногословными гостями и дорогими подарками. Отец Саши подарил Инге автомобиль, о котором та даже в своих снах боялась подумать. А Крупский полностью наследовал «СтанАвиа» – семейное дело.

Для Инги открывался совершенно иной мир, к которому так страшно притронуться, ибо боишься, что он тотчас исчезнет. По характеру она и правда была большим ребёнком. Искренне радовалась каждому открытию в этом новом мире. Но время помогает привыкнуть и к роскоши, и к хорошему большому дому, дорогой одежде и вкусной еде. Она уже не стеснялась давать поручения прислуге. А потом с любопытством подглядывала, как её поручения исполняются. И некое приятное чувство наполняло её маленькое детское самолюбие. Её фамилия поначалу вызывала у Александра неоднозначное любопытство, но он её не спрашивал и вообще мало интересовался её прошлым.

Привыкнув к красивой супруге, Крупский стал по-прежнему много внимания уделять работе. Молодая Инга это видела и первое время очень обижалась, но виду не подавала. Ей хватало мудрости просто быть благодарной Судьбе за этот неожиданный подарок. Вечера она любила проводить перед камином, который специально для неё разжигал её помощник, окружив себя книгами из огромной семейной библиотеки или ультрабуком, листая смешные истории делового сверхчеловека

глупости. Часто доносился из каминной её милый смех, когда попадалось что-то смешное, или всхлипывания, когда грусть обвивала впечатлительное сердце. В один из таких поздних вечеров, когда шаги и голос мужа всё ещё рокотали в кабинете, Инга, дождавшись паузы, негромко позвала Александра.

– Расскажи, почему вы развелись?

Крупский удивился неожиданному вопросу, но раздражаться не стал.

– Она мешала строить мне дело.

– Странно. Мне всегда представлялось, что жена именно тот человек, который служит поддержкой и опорой своему мужчине.

– Все девушки мечтают видеть рядом с собой успешного и богатого мужа. Но стоит этому осуществиться в реальности, большинству женщин становится страшно. Вот и Ольга, всё время чего-то боялась. То того, что меня уведёт другая. То самого факта огромных денег. Большие деньги – большая ответственность. Начинаются большие займы. Одно дело, когда твоя семья должна двести тысяч, и совсем другое дело – когда 10 миллиардов. И бесполезно объяснять, что всё рассчитано, что за всем стоит большая аналитика.

– Интересно... Хороший мой, а что это за картина? – спросила она, близоруко вглядываясь в обнаженные фигуры и море.

В гостиной над камином висела и правда необычная картина, которую она давно заметила, но из-за вечной нехватки времени у мужа, так толком о ней ничего и не узнала. На полотне было написано бушующее море, огненный закат и две фигуры – мужчины и девушки. Обнаженная девушка, удерживаемая золотыми нитями, что исходили из огромной руки в краснеющем небе, раскинув руки, парила высоко над волнами. К ней, поднявшись из морской воды, стремился мужчина.

– «Неземная любовь». Я купил её сразу после нашего знакомства, – ответил Крупский и, чувствуя неожиданный прилив нежности к супруге, обнял жену и начал покрывать её шею поцелуями.

– А кто художник? – спросила она, наслаждаясь лаской и чувствуя абсолютное счастье в эти редкие моменты.

– Да не помню я, сюрреалист-маринист, – оглядывая полыхающий огонь камина, ответил муж.

– Где же он живет? – продолжала любопытствовать Инга.

– В России милая, В России...

Эпизод IV Город Золотой

Солнце приближалось к границам огромной страны, играя светом и тенью на обнажённой груди ничего не подозревающей Инги. Блики зажигались и гасли на закрытых глазах её мужа. Большие часы ещё спали и сонно тикали в такт дыхания супругов. Открыто окно совсем не спасало от изнуряющей духоты. Оба крепко спали. Руки Александра подрагивали, по всей видимости, ему начинал сниться кошмар.

– Что там горит? Чего они там так долго возятся? – настороженно проговорил Крупский, гуляя по заброшенной дороге со своей спутницей. Оба видели, как в ста метрах бетонные подземные тоннели резко осветились изнутри оранжевым заревом. Пожарные расчёты не справлялись и, в конце концов, бросили попытки затушить эти необъяснимые пожары.

– Саша, смотри, все разбегаются...

Подойдя к одному из тоннелей, они с любопытством заглянули внутрь и увидели, как по железобетонному полу плавно текла ярко-оранжевая лава.

– Откуда в Москве на Кузнецком мосту может быть лава? – удивился Крупский.

– Саша, лава, лава приближается!! – спутница в ужасе прижалась к нему как маленькая. Обернувшись, Александр увидел, что буквально со всех сторон стекает огнедышащая магма. Чувство западни, знакомое любому лютому зверю, ворвалось в грудь Крупского, и он всё осознал.

– Сашенька, это расплавленное золото...

Когда раскаленное месиво из металла, пород и испаряющихся людей было угрожающе близко, он снял наручные часы и бросил далеко в пекло – часы испарились, даже не успев погрузиться. Из последних сил Крупский взял на руки спутницу и с трудом проговорил:

– Пока мои ноги не испарятся, ты не почувствуешь боли.

– Господи, только забери нас скорее, молю тебя! – отчаянно закричал Крупский, чувствуя приближающийся жар, исходящий от расплавленной породы вековых камней. Со всех сторон окружало раскалённое, адское варево. Самое страшное – это ощущать неминуемость дикой физической боли и своей гибели! Одежда заполыхала сначала на нём, а потом и на ней. Всё! Дикая боль пронзила ступни. Началось... Ты мужчина, но не способен спасти ни её, ни себя и можешь только взывать к милосердию Создателя твоей великой нервной системы, что позволяет тебе ощущать как неземное наслаждение, так и невероятную боль! Хотелось только одного, чтобы ткани организма скорее обуглились и больше не были способны доводить нервные импульсы в головной мозг. Крупский завыл от разрывающей сознание боли...

Неожиданно, его спутница услышала шелест крыльев – неизвестно откуда взявшийся голубь парил над всем этим безумием. Он вдруг ринулся к ней, та вскрикнула, и Крупский резко проснулся. Пара серых голубей, имеющих обыкновение ранним утром гурлить на подоконнике их спальни, к счастью, разбудили Александра. Было очень сухо в огромной бирюзовой спальне (цвет выбирала жена).

Пролежав без движения несколько минут, он с усилием поднялся. Было полшестого утра. Крупский сонно оглядел жену – она спала. Ему опять приснился кошмар...

– Когда девушка спит, она кажется прекрасней и моложе, чем есть на самом деле. Даже появляется ощущение, что рядом незнакомка, – рассуждал Крупский, проводя рукой по её красивой груди. Оторвавшись от Инги, он подошёл к журнальному столику, где лежали наручные часы. Он уже было надел их, но немного подумав, тут же снял. Выйдя из спальни, тихо спустился в гостиную, налил воды и стал жадно пить.

Стоя у большого до самого пола окна и рассматривая горизонт, ему безумно захотелось бежать. Бежать куда угодно, только бы освободить сознание от увиденного в кошмаре и погрузиться в тотальную свободу. Такую свободу может жаждать только глубокий, мыслящий человек, только он знает, что она есть и как её обуздать!

– Я всё оставлю дома... – негромко прошептал Крупский. Дверь захлопнулась, разбудив милую Ингу.

– Саша, ты дома? – спросила она уже в пустоту.

Солнце пело, видя бегущего ему навстречу человека, весь мир смотрел на него и ликова! Огромные волны солнечного света разливались по земле, и яркие брызги оседали на счастливом лице Крупского...

Он долго бежал, пока совсем не выбился из сил. Повалившись на мягкую траву, тяжело и радостно задышал.

– Вот она... Совсем рядом, ты здесь – со мной. И никто тебя не отнимет у меня, – смеялся Крупский, – моя свобода, моя жизнь... Я сильный, сильный, я Сверхчеловек, – постепенно впадал он в катарсис. Его безумные глаза наполнялись слезами восторга. В нём колыхалась великая музыка Шостаковича, Чайковского, Рахманинова, наполняя всё восторгом, нечеловеческой волей и уверенностью в себе!.. Природа откликалась на каждое его сердцебиение, окутывая утренним туманом, заставляя время идти быстрее. Вся Вселенная пульсировала в такт его сердца, Крупский забылся и погрузился в негу... Человечество перестало для него существовать.

Александр Владимирович Крупский пропал. Пропал для семьи, коллег, друзей. Верный Южный... Южный уже бил во все барабаны, поднимая на дыбы всемогущую армию охраны, рыская по всей Москве и её непростой области. Люди были в таком напряжении, какого не испытывали с 90-х...

– Все переходим на усиленный режим! Работаем в три смены. Звонить мне в любое время! При необходимости буду вытаскивать любого из постели в любое время. Понеслась! – орал командным голосом генерал Южный.

Закрутилась его адская машина в три смены. Обращались к непростым людям в спецслужбах, но Крупского и след простыл... Что Южный сказал Инге? Да ничего не сказал, сказал просто, что Александр Владимирович срочно вылетел в Сочи, что и сам узнал об этом в последний момент, когда отвозил его в аэропорт. А мобильный? Мобильный он, по всей вероятности, забыл, что часто с ним бывало и раньше.

Три адские смены продолжались четыре недели. В один поздний вечер, когда даже самые радивые сотрудники разошлись по домам, Южный, закончив дела, спустился вниз. Усевшись в машину, он уже был готов дать команду трогаться, как кто-то аккуратно постучал в наглухо тонированное стекло. Стекло с жужжаньем плавно опустилось, и Южный уставшими глазами узрел человека в разодранной одежде и царапинах. Это был Крупский Александр Владимирович. Минут 5 они молча смотрели друг на друга.

– Саша... Дорогой. Это уже переходит всякие границы.

Стекло медленно закрылось. Крупский долго стоял у края дороги, привлекая нездоровые взгляды прохожих. Наконец он открыл дверь и сел в авто.

Эпизод V
«Нет ничего тайного, что не стало бы явным»

Камин трещал так, будто в него бросили ворох пистонов. Устав от яркого огня, Инга поднялась на второй этаж в спальню и прислушалась к голосу мужа. Было слышно, как Крупский в смятении ходил по кабинету, испытывая страшную досаду и на себя, и на весь мир. Он натыкался на острый угол собственного стола и злился ещё больше. Инга постояла за закрытой дверью несколько минут и вернулась в гостиную.

– Как некстати всё это!.. – возмущался он. Было так досадно, как будто упустил навсегда возможность стать счастливым.

– Нет! Ну как она могла узнать?! Как?! От кого?.. – застыв посреди комнаты поражался Крупский, глядя на любимого кота, который с самым невозмутимым видом сидел на столе, прямо на блокноте, и царственно молчал.

– Возможно, это необычно, – продолжал он, тихо глядя на кота, – это может показаться даже странным! Но! Я никому не принёс неудобств, значит, мне нечего стыдиться. В конце концов, я взрослый человек.

Снизу доносились звуки посуды и голоса родных. Крупский испытывал сильное чувство голода, но долго колебался прежде, чем спуститься вниз в гостиную. Молодая жена и дочь ужинали, тихо переговариваясь между собой. Инга старалась не пересекаться с ним взглядом, думая о чём-то своём. Дочь, чувствуя напряжение за столом, робко поглядывала на обоих и не знала, что предпринять.

– Папа! Мы просто обязаны отправиться всей семьёй на Камчатку. Пейзажи Камчатки настолько фантастичны, они напоминают другую планету! Вулканы, гейзеры! Самое необычное место на Земле. Я так мечтаю побывать там... Если повезёт, мы сможем своими глазами увидеть настоящую лаву, – говорила дочь, округляя глаза от удивления. Крупский обожал свою дочь и готов был слушать её в любом состоянии. Он с обожанием смотрел на её красивые, большие глаза и видел себя. Удивляясь, как вот так вот на него смотрит существо, которое он родил, и оно ещё, при этом, его беззаветно любит. Ему было приятно, что Настя спокойно восприняла Ингу и, несмотря на трения, они все же сдружились.

– А медведи!?!... Па-ап, они такие милые, у них такие большие попы! Пап, мам, они прямо рядом гуляют по берегу, их можно увидеть, – Настя протянула руку, как будто хотела кого-то поймать.

– Ага, и потрогать, – улыбнулся отец.

– Я серьёзно! Эх, Камчатка... Ооо, это сладкое слово Камчатка, – уже пела Настя Виктора Цоя и хитро щурила глазки на папу, лукаво улыбаясь.

Покончив с ужином, Крупский несмело встал, пробормотал дежурную благодарность и побрёл к себе наверх в кабинет. А через час... А через час в кабинете сверкали крики вконец расстроенной Инги.

– Разве я не имею право это знать?! Или я уже никто для тебя? – кричала жена.

– Это моя жизнь! И чего ты в неё постоянно лезешь? Твои попытки контролировать меня уже просто с ума сводят. В конце концов, в ней есть определённые стороны, которые я не обязан, да не обязан с кем-либо обсуждать! – раздражённо парировал Крупский, – даже с тобой!

– Да как же не обязан? Как же не обязан?.. – горькому возмущению Инги не было предела, – ты же не на облаке живешь, у тебя семья, дети! Что это вообще значит? Ты и так вечно меня игнорируешь.

Она что-то ещё кричала и кричала, а он с тоской смотрел на неё и хотел только одного – спать и избавиться от шума. Он давно уже не воспринимал всерьёз всё, что может сказать женщина, а жена в особенности. Не выдержав её истерики, Крупский глубоко вздохнул:

– Хочешь потерять любовь мужчины – начни кричать на него.

– Вот как? – истерично улыбнулась Инга. – Но если мы сейчас не поговорим, после ты вообще меня не подпустишь к себе. Южный и так глаза прячет от меня. Мы даже не каждую ночь вместе засыпаем, – беспокоино оглядывала она мужа.

– Инга, ты можешь понять простую истину – я устаю так, что не понимаю иногда где нахожусь.

Ей самой был в тягость их разговор, но как подойти к самому главному, она не знала. Присев на край дивана она отвела глаза и продолжила:

– Я подозревала что-то неладное с зимы... Но, что я могу поделаться, – всхлипнула она, – тебя вечно нет, ты занят.

Она подняла глаза и с умоляющим взглядом продолжила:

– Милый, ты нуждаешься в помощи... только прошу тебя – не отрицай, ну не отворачивайся от меня! – повысила она голос, видя, что он поморщился как будто надкусил больной зуб. – Да, тебе необходима помощь. Неделю назад я была на консультации... у Кауфмана Марка Исаевича...

Крупский медленно повернулся к жене, явно не ожидая такого поворота.

– Постой, постой. У кого ты была? У Марка? Кауфмана?!... – проговорил он притихшим внезапно голосом, верным предвестником предстоящего срыва. – Это же главврач психиатрической клиники?!.. Ты что, решила сдать меня в сумасшедший дом? Романова, да ты в своём уме?!

– Да как же ты не можешь понять, я просто пытаюсь тебе помочь! Подумай наконец о нас!

– Подумать о вас? О чём подумать?! О твоей безапелляционной наивности? Или, наоборот, о иезуитской хитрости?! Тебе уже малó твоё положение в обществе? Может, я тебе уже начинаю мешать?! – зло процедил Крупский.

– Что?.. Обвиняешь меня?.. – ужаснулась Инга.

– Пошла вон!! Вон! – прокричал Крупский, грубо схватив её за руку и выставив из кабинета.

Подбородок Инги задрожал, губы некрасиво скривились, и она быстро побежала вниз. Дверь захлопнулась. Крупский остался совсем один и стало совсем невыносимо. Страшно жалея, что вообще позволил жене начать этот разговор. Он упал на кожаный диван и начал крутить в руках маленький красивый глобус с позолотой и драгоценными камнями – подарок любимой дочери. Мысли всё были какие-то новые и невесёлые. Пролежав на диване больше часа, он кое-как собрался с силами, вышел из кабинета и спустился в спальню. Раздевшись, он лёг в постель и задумчиво разглядывая спящую Ингу (она делала вид, что спит) и никак не мог прийти в себя.

“И с тобой непросто и без тебя невозможно. Неужели в браке я не могу оставить маленькое поле личной свободы, где будет место личным тайнам?.. Женщины дикие собственницы, они хотят, чтобы мужчина принадлежал им весь абсолютно, со всеми его мыслями и помыслами. Что, конечно, глупость и верный повод для ссор”, – думал про себя Крупский.

Ему неожиданно захотелось увидеть дочь, он осторожно встал, вышел из комнаты и направился к её спальне. Приоткрыв дверь, он долго смотрел на Настю, которая уже практически спала, слушая музыку в своих наушниках.

“А может то, что я считаю невинным развлечением моего самолюбия, на деле является симптомом гораздо чего-нибудь более серьёзного?.. Может, это впоследствии выльется в душевное заболевание? Может, и правда стоит сходить на эту консультацию. Это всего лишь обследование, к тому же, нельзя рисковать делом. За мной дочь, коллеги, их семьи...”.

Утром Крупский, едва проснувшись, сонно поводит рукой – понял, что супруги рядом нет и, приподнявшись, увидел, как жена сидела у зеркала и расчесывала свои длинные локоны. Не дождавшись, что она с ним заговорит или покажет случайным жестом, что простила его за вчерашнюю грубость, заговорил сам:

– Я тут подумал... Может и вправду стоит, – он замолк на мгновение. – Ведь это просто консультация...

Инга Романова ничего не ответила, только продолжила свой утренний туалет, снимая волосы с пеньюара и пуская их по воздуху...

Эпизод VI
«Нехорошо быть человеку одному...»

– Да, Андрей... Да, я вас понимаю... – Марк Кауфман остановил жестом личную помощницу Маргариту, не привыкшую присутствовать при телефонных разговорах начальства – та собиралась встать и уйти. – Да, Инга Александровна была, но ничего конкретного мы не обсуждали. Хорошо. Дату можете указать сами, а мои специалисты подстроятся. Договорились, всего доброго!

На большом столе талантливого главврача вещей было немного: какой-то медицинский журнал на английском, бумаги с печатями и перьевые ручки с чернилами разных цветов. Марк не воспринимал современные ручки и любил сам заправлять чернилами перьевые. В этом он чувствовал некую связь времён.

– Рита, звонил Южный Андрей, начальник охраны одного непростого человека. Так вот, к 17 числу необходимо подготовить отдельную палату и всё, что этому сопутствует, – обратился к помощнице Марк Исаевич, закончив телефонный разговор.

– А кто этот непростой человек? – спросила Маргарита.

– Александр Владимирович... Владелец и создатель "СтанАвиа", занимаются производством запчастей для широкофюзеляжных самолётов. Начинал ещё его отец, выпускник МАИ, потом он передал всё сыну и при нём, собственно, "СтанАвиа" стал тем "СтанАвиа", который мы знаем сейчас.

– Крупский?! – удивилась Рита.

Марк кивнул и продолжил:

– Поэтому подключи самых толковых и всё подготовь. Я лично буду всё контролировать. Давай, умница, не подведи меня.

Крупский пытался представить себе клинику, и каждый раз у него вырастали чеховские сюжеты палаты номер шесть. Лечебница ему представлялась низким зданием с серым, бездушным забором, где раздаются душераздирающие крики несчастных больных, которых кормят невкусными отбросами. Подъезжая к клинике, Крупский увидел обаятельную, со вкусом одетую молодую женщину; она поспешила открыть ему дверь и вежливо поприветствовала:

– Марк Исаевич уже ждёт. Я Маргарита.

Крупский вышел из машины с видом, будто прощался с целым миром. Маргарита жестом пригласила следовать за ней. Они проследовали сквозь лабиринт коридоров к главному жрецу этого нескучного заведения. Дверь открылась, и они вошли в кабинет главврача. Марк Исаевич Кауфман восседал, как царь в своём кресле, и как хороший вербовщик обладал редким даром располагать к себе уже с первых минут.

– Приветствую, приветствую! Для меня честь познакомится с вами, – начал Марк, протягивая руку.

– Доброе утро... – польщённый таким неожиданным приветствием, улыбнулся Крупский.

– Рита, благодарю за содействие.

Помощница всё поняла и исчезла.

Начался разговор, какой обычно бывает на первом приеме у доктора, когда пациент не совсем обычный человек. Марк, внимательно выслушав первые слова Крупского, приступил к вопросам. Вопросы были точные, но корректные.

– Вы можете меня успокоить, Марк Исаевич? Или есть причины для беспокойства? – спросил, в свою очередь, Крупский.

– Вы знаете, то, что мы обсудили, однозначно ни о чём не говорит. Необходимо полноценное обследование, сколько это займёт времени – сложно сейчас сказать. Я подготовил максимально комфортную палату. Если вы готовы, можем начать прямо с сегодняшнего дня. Разумеется, вести вас буду я. Проводит вас моя помощница, любые пожелания это к ней, – он вызвал Маргариту, повторил при ней про пожелания и, получив согласие Крупского, отпустил обоих. Пройдя с приятной Маргаритой длинный светлый коридор, они оказались в просторной палате с большим окном, выходящим в поле.

– Располагайтесь, пожалуйста, Александр Владимирович.

Дверь тихо закрылась, и Крупский почувствовал разочарование из-за того, что всё это затеял и пошел на поводу у своей беспокойной и обидчивой супруги. Очутившись в первый раз в таком заведении, он не мог придумать, чем, собственно, себя занять. Пациентом он был редко, а в больницах и клиниках никогда не был дольше одного дня. Посидев на кровати, оценив матрас и постельное бельё, он решил для начала принять ванну и смыть с себя все переживания и страхи, что накопились в его мятежной душе. Набрав тёплой воды, он добавил несколько капель масла хвои, вдыхая аромат большого русского леса. В сознании стало всё плавиться и исчезать: и ссора с женой, и страхи, и чуждые новые мысли... Принимать ванну он любил подолгу, набрав море пены. Хотел было взять телефон, чтобы сообщить жене, как всё устроилось, но гнев ещё не угас и решил не звонить. Было неприятно. На следующее утро в его палате сидел Марк Кауфман и внимательно слушал Крупского, который уже немного освоился в непривычной обстановке.

– Мои видения, как сон, в момент, когда ты почти проснулся, но продолжаешь ещё жить во сне.

– На этом остановимся позже, поскольку не это вас подталкивает ээ... к определенным действиям, – тактично заметил Марк.

– Нет, не это, если я конечно правильно понял вас, – смутился Крупский.

– Александр, вы один из богатейших людей России. Человек фантастического потенциала. И вдруг – станция метро, свалка с бездомными в пригороде, провинциальная привокзальная площадь на уральских просторах...

– Я называю это играми в Великое тщеславие. Ещё раз ощутить дикую пропасть между мной и... людьми. Когда сердцем понимаешь эту чудовищную несправедливость, а ум не принимает – считаешь, что достоин большего, например, по-настоящему красивую женщину рядом – в помощь тебе адский труд и железная воля.

– У вас потребность регулярно чувствовать своё тотальное финансовое превосходство над простыми людьми?

– Простые люди не совсем верное определение. А знаете, что самое странное? – неожиданно сменил тему Крупский, – иногда во сне я пою на арабском. Я никогда не изучал арабского. Это несомненно сложный и красивый язык, но как я пою на нём? Точнее мне кажется, что я пою на нём, – тонко улыбнулся Александр.

– Очень интересно... Но вернёмся к видениям. Опишите, пожалуйста, наиболее яркое.

Пробираясь сквозь чащу блуждающих в голове образов, Крупский начинал переживать всё заново и ему стало неприятно. Образы проявлялись, исчезали, наслаивались один на другой, но неожиданно один сон заслонил собой все остальные.

– Попробую... Я видел в пустыне каменную лестницу, ступени которой уходили высоко в небо. Рядом стоял полуразрушенный вагон парижского метро, и обнаженная, неземной красоты девушка, потянув за веревку, открыла занавес, а за ним на перевернутых стеклянных бочках стояли головы людей... Ещё живых людей...

– Головы? Головы живых людей? – переспросил Марк, отрываясь от блокнота, в который быстро записывал услышанное.

Крупский нервно поднялся, подошёл к окну и, разглядывая возню двух санитаров, которые уронили больного на асфальт, ответил:

– Да. И они умоляли пощадить и не мучить их более.

– Скажите, а эта женщина или эта девушка, она пыталась с вами заговорить? – поднял глаза Марк.

– Нет, она лишь искренне улыбалась, словно просто была рада меня видеть. Принимала разные позы соблазна и шептала мне какую-то чепуху. Якобы она и есть моя единственная и настоящая Любовь. В общем, глупости несла. И что странно, она далеко, – продолжал Александр, – а шепот её у самого уха... А небо? Оно было настолько ярким... Самые невозможные оттенки: красные, голубые, зеленые – фантастически красивые, а земля, напротив, какая-то бледная – выжженная пустыня с холодным песком.

– Вы пытались с ней заговорить?

– Нет. Зачем?

– А чувства? Что вы испытывали в этот момент?

– Жуткий, дикий страх. Как будто надвигается что-то неотвратимое.

Кауфман сделал пометки у себя в блокноте, позвонил в несколько отделений и решил отпустить своего беспокойного пациента:

– Я думаю, на сегодня мы закончили, можете возвращаться к себе в палату и отдыхать. А завтра продолжим.

Крупский вышел из кабинета и невесело побрёл к себе.

Однажды, когда все вечерние процедуры подошли к концу, а прописанные препараты, после которых всегда оставалось на нёбе горькое послевкусие, были выпиты, к нему в палату неожиданно вошла медсестра с небольшим чемоданчиком. Она осторожно закрыла за собой дверь, молча подошла к его столику и прочитала последние контрольные записи. Дочитав до конца, вернулась к своему ящичку и достала один из трёх шприцов. Все три были наполнены растворами разных цветов: фиолетовым, жёлтым и зеленым. Крупский молча наблюдал за её движениями. Ничего необычного конечно в этом не было, к нему часто заходили доктора и их помощники, но в этой медсестре его поразило одно – её притягательность. Волшебная, почти неземная, что встречаешь в жизни редко, но часто видишь в своих снах. Она скромна, не вычурна, в ней нет глупого бабского самолюбования. Это красота ангела. И мгновенно чувствуешь какую-то душевную близость с ней. Единственное, что смущало – она совершенно его игнорировала – просто молча делала своё дело. Проверив шприц с жёлтым раствором, она приблизилась к Александру.

“Девушки совершенно разучились вести себя с мужчинами. Надменны и пугливы одновременно”, – начинал мысленно раздражаться Крупский.

– Ну, здравствуйте, – сердито процедил он.

– Здравствуйте..., – тихо ответила она, – Александр Владимирович, необходимо сделать укол, повернитесь пожалуйста.

Подчинившись, Крупский ощутил довольно болезненный укол и нетерпеливо поморщился.

– Может скажете, как вас зовут?

– Меня зовут Анна. Анна Светлова. Я ваша ночная медсестра.

– Я не видел вас раньше... – Крупский почувствовал давно забытый уют от присутствия женской красоты. Миллионы светлых нитей окутывали его сознание и душу,

– Я буду приходить к вам несколько раз в неделю, – дружелюбно улыбнулась Аня. Убрав в белый чемоданчик лекарство, она дала последние советы перед тем, как уйти. – Постарайтесь не двигаться примерно минут пять. Не вставайте, не надо! До свидания.

– Пока, – пробормотал Крупский, поглаживая место укола.

Хотелось спать, но он ещё долго ворочался в постели, вспоминая новую знакомую. Какие-то новые чувства мешали ему успокоиться. Сердце сильно билось и мешало уснуть. Только глубокой ночью пришёл покой, и он смог забыться. Проснувшись поздним утром, Крупский почувствовал легкую головную боль. Воспоминание вчерашней встречи огромной, приятной волной проявилось в сознании. Он попытался мысленно воспроизвести ощущения на коже от её прикосновений, и в какой-то миг это удалось. Радостно подскочив на кровати, начал одеваться, напевая что-то от Бурито.

“Похоже, вчерашнее знакомство разделило моё пребывание в клинике на до и после. Я думал, такое со мной уже никогда не произойдёт. И где встретил – в клинике для умалишенных!..” – иронизировал он сам над собой.

Шли дни. Крупский освоился с положением пациента и уже был рад тому, как повернулись события. Единственное, что его иногда беспокоило, так это долгое отсутствие Южного, но он это быстро для себя объяснил запретом Марка Кауфмана его беспокоить. Один раз он правда позвонил, но говорили недолго и по делу. Об Инге ему уже не хотелось вспоминать.

Однажды, когда наступил долгожданный вечер, и Анна Светлова пришла к нему делать очередной укол, у них совершенно неожиданно разразился спор, которого, по сути, могло и не быть. Крупский начал с пространных рассуждений о непростой жизни делового человека, перешёл на климат в стране, продолжил мыслью о том, как важно иногда мужчине

почувствовать нечто новое и сильное, а завершил рассказом о бездомных, с которыми проводил время, когда «играл в свои маленькие игры великого тщеславия».

– Да пойми, ведь это же настоящие эмоции. Я в такие моменты чувствую себя на вершине мира. Я и они, – очарованно шептал Крупский, готовясь к уколу и как бы приглашая её разделить с ним его восторг.

– Ой! Хотя у них там тоже своя жизнь. Кто знает, может, добровольная бедность – это их призвание, – прохрипел он. Глаза милой Ани потихоньку округлялись: сначала на лице было внимание, потом удивление, а под конец настоящее негодование.

– Какая же это жизнь?! – перебила она его. – Бедность ничем нельзя оправдать, лишь возрастом и здоровьем. Бедность наконец унижает человеческое достоинство! – с негодованием воскликнула Анна. Она поднялась с кровати и более уже не могла спокойно сидеть рядом с ним.

– Даже простое присутствие бездомного оскорбляет приличное общество и всякое благородное чувство! Посмотри на себя! – выходила из себя Анна. – Ты же совершенно перестал ценить то, чего сам и достиг. Ты настолько привык к успеху, к своей вершине, что не в состоянии адекватно воспринимать действительность. Богатство, успех, достаток – их тоже нужно ценить! И если бы ты ценил, тебе хватило бы мудрости и ума не заниматься подобными вещами.

– Да, я обожаю чувство превосходства над другими. И чем больше эта разница, тем сильнее это чувство.

– Помни – пути богатства неисповедимы, – заключила Анна, убирая за собой после процедуры. Услышав последнюю сентенцию, Александр хотел было что-то возразить, но передумал и просто сел перед ней, взяв её за руки.

– Милая, зачем мы спорим? Лучше поговорим о нас с тобой. Посмотри, ты же творишь со мной чудеса. Откуда во мне это? Тебя нет, нет и жажды жизни, но если ты рядом – меня наполняет восторг. Аня, милая, самое ужасное это отпустить тебя.

Эта внезапная откровенность её растрогала, и негодование отпустило обоих. Он, не моргая, смотрел на её красивое лицо и рассуждал:

– Душа человека в красивом лице...

А Анна, очарованная, смотрела и слушала, утопая в его ласке и нежности. Прошло больше часа.

– Никогда не думала, что люди такого уровня как ты могут быть такими по-доброму наивными. Сашенька, уже поздно, Марк Исаевич будет недоволен, если я буду так долго делать каждый укол. Я тоже думаю о тебе. Постоянно...

Она поднялась, застегнула блузку и направилась к двери. Уже у самого порога Аня улыбнулась:

– Какая же ты беспечная и эгоцентричная скотина.

Крупский самодовольно ухмыльнулся, но ничего не ответил.

Давно наступила ночь. Было тихо и спокойно в белом царстве клиники. Со спокойным сердцем Крупский закрыл глаза, укрылся мягким одеялом и стал проваливаться в долгожданный сон.

Когда светлый месяц уже во всю царствовал на небосклоне, в клинике раздался дикий, безудержный крик. После, стало еще тише, будто сама природа испугалась этого ночного человеческого крика и сжалась от неизвестности. Первая на крик прибежала дежурная медсестра. Кричал Крупский. Он сидел на кровати с перекошенным от страха лицом и весь трясся, будто в припадке. Она мгновенно набрала шприц и сделала успокаивающий укол. Сердце понемногу успокоилось, и Александр вновь заснул. Непонятно, по какой причине, но он не проснулся на следующее утро, чем поднял на ноги всю клинику, а проснулся как ни в чём ни бывало через двое суток, в начале первого, когда уже подавали обед. Кое-как разогнав в себе тяжелую дремоту, он поднялся, заметив, что опять спал по диагонали. Поднял с пола подушку и водрузил её на тумбочку. Хотелось встретиться с Марком.

– Доброе утро, Александр, – сказал Марк, когда они встретились в его кабинете, – я был у вас утром, но вы спали. Сразу объяснюсь, что причину вашего двухсуточного сна мы пока

не знаем. Нужно сделать дополнительную диагностику. Давайте поговорим о том, что произошло той ночью. Что вас так взволновало?

Собирая из разбросанных в сознании кусков минувший кошмар, Крупский начал не сразу. Яркие блики в сознании перебивали друг друга и мешали сосредоточиться.

– Наверно, это самое тяжелое видение, которое приходит ко мне. Я никак не могу от него избавиться. Утомлённый, я бреду по громадной пустыне в полном одиночестве, и только постоянный, не отождествляемый ни с чем шум в ушах, будто шум потока вод, пробивается сквозь белый туман. Мои бедные, уставшие ноги совсем мне не помогают, и я с громадным усилием поднимаюсь после короткого отдыха. Вокруг мусор, как после большого наводнения. Вдруг, я начинаю различать сквозь шум людские стоны и детские крики, как если бы кричали за стеной, в закрытой комнате. Не понимая, откуда могут идти эти необычные звуки, я гляжу во все стороны, с усилием прислушиваясь. И с удивлением обнаруживаю, что звуки исходят из-под земли... Крики и стоны как будто зарождаются вдали, они проносятся подо мной и летят дальше за горизонт. Каждый новый стон, детский крик, непонятность происходящего и дикие догадки моего воображения повергают меня во всепоглощающий ужас. Да! Это люди в страшных мучениях, в огромных трубах несутся вместе с водой под землёй. Я понимаю, что в огромных, стеклянных трубах все: женщины, дети, мужчины, словом все. И так вокруг всей планеты...

Крупскому больше не хотелось ничего вспоминать. Кауфман вызвал нескольких коллег и удалился с ними на консилиум. Вернулся он вместе с помощницей и поручил ей Александра. Маргарита, как всегда в белоснежном халате, подхватила его и, осторожно ступая по ступеням вниз, начала рассказывать ему последние новости:

– Саша, знаешь, сегодня открыли Крымский мост. Кота пустили первым. Пушистый первооткрыватель, – улыбалась она, ведя под руку Крупского.

– Надо же. Как быстро летит время.

– Ребята старались... – задумчиво произнесла Маргарита. – Интересно, отчего твой супруга не приходит тебя навестить?..

– Накануне моего приезда к вам мы сильно поссорились. Она страшно обидчивая, и это утомляет.

– А ты её любишь?

– Я не мыслю такими категориями. И твой вопрос, вежливо говоря, удивляет.

– И чем же?

– Своей бессмысленностью.

У дверей его палаты они заметили одного статного человека. Крупский, присмотревшись, узнал в нём начальника своей собственной охраны. Нужно заметить, что после встречи с Анной Светловой он как-то позабыл про всех. Южный, сильно похудевший и не спавший несколько суток, обнялся с ним, и после первых приветствий, пряча глаза, никак не мог придумать с чего ему начать... Молчание становилось неестественным, и Крупский не выдержал:

– А ты, я вижу, спешил ко мне, – пытался пошутить Александр. Южный насильно улыбнулся и сразу срубил:

– Саша... Дорогой мой. У меня нет ни одной хорошей новости...

У Крупского мгновенно похолодело сердце – страшные догадки, одна другой чудовищней, стали сменяться в воспалённом воображении.

– Продолжай.

– Никто не думал, что ты так долго будешь в клинике. Ну, дня три, неделю наконец. Без тебя начались странные закрытые совещания. Любимов собирал весь топ-менеджмент. Зная мои возможности, он их всех увозил на нейтральные территории.

– Твои «возможности» донесли, о чём были эти закрытые совещания?

– Отчасти. Были сведения, что обсуждался устав и будущее компании.

– Ну не тяни, Южный. Что ты как красна девица. Ты же мастер ёмких фраз, – тихо-тихо процедил Крупский.

– Через две недели после твоего отъезда на меня завели дутое дело и закрыли. Саша, я ничего не мог предпринять! Любимов как первый твой зам...

– ... по уставу имеет право подписи, в случае, если я недееспособен или в больнице, – перебил Крупский.

Южный, не выдержав волчьего взгляда Крупского, встал и зашагал по палате:

– Он нанял таких юристов... Один из Новосибирска, другой из Ленинграда. Эта сволочь перекроила весь устав!

– Я вижу, что у меня не охрана Андрюша, у меня кружок мальчиков-одуванчиков. Простой прохожий подошёл, сорвал и подул. И всё разлетелось к чёртовой матери!

Крупский закрыл глаза и в бессилье присел на кровать. Оставляли последние силы, он не выдержал и закрыл лицо руками. В этот момент в палату, можно сказать, ворвался Марк Кауфман и настойчиво стал выставлять Южного.

– Ну вы должны же понимать! – возмущался Марк Исаевич, буквально выпихивая огромного Южного из палаты. – Ему сейчас вообще нельзя волноваться. Вся терапия насмарку. Ну взрослые же люди!

– Я уйду, уйду, – попятился Южный, на ходу прощаясь с Крупским.

Двери закрылись, буря внутри начинала уже рвать сознание, Александр остался совсем один, наедине со всем миром... В палате было так тихо, что можно было слышать внутренний голос, как свой собственный. Внезапно нахлынувшее чувство одиночества заполнило собой все предметы. Через час в палату вернулся Марк и осторожно сел рядом.

– Что-то случилось? – тихо спросил он.

Крупский вздрогнул и молча кивнул.

– Да. Случилось то, что я считал невозможным случиться никогда.

Единственное, что наполняло смыслом упрямо тонувшую жизнь Крупского, была его Аня, Аня Светлова. И он, чтобы окончательно не сойти с ума, решил заговорить о ней с Марком:

– Вы можете мне рассказать об Анне. Светлова, кажется, её фамилия. Она работает у вас медсестрой, – он вопросительно поднял глаза на Марка и выглядел как ребёнок, который неожиданно узнал, что в жизни, помимо сладостей и любимой комнаты, есть ещё вещи странные, непостижимые для детского ума.

– О ком? Об Анне?.. Кто это? – не сразу понял главврач.

– Да. Она делает мне уколы перед сном.

Лицо Кауфмана изменилось, он в смущении снял свои модные очки и начал их протирать.

– Миловидная такая, – стеклянным голосом продолжал Крупский, глядя в пол.

– Александр... – начал Марк, водрузив очки на прежнее место, – я никому не поручал приходить к вам делать уколы. У нас вообще нет медсестры с именем Анна...

Эпизод VII Сверхчеловек

– Я войду?.. – несмело спросила Инга, заглядывая в кабинет мужа. Не дождавшись ответа, она вошла и протянула ему белого олимпийского медведя.

– Вот, принесла тебе... – прошептала жена. Подержав в руках игрушку, Инга поставила её на стол, рядом с его любимым блокнотом, испещрённым записями и цифрами.

Крупский лежал на диване, уставившись в белый потолок и крутил в руках красивый посеребрённый револьвер. Он месяц уже ни с кем не разговаривал и постоянно где-то пропадал, а когда возвращался, то просто запирался у себя в кабинете и часами, запоем, играл в шахматы. Как будто хотел вывести универсальную формулу победы... Инга присела рядом и заговорила.

– Я останусь с тобой. Я никуда не уйду. Слышишь?.. Мы справимся, я пойду работать... – Инга, слабо себе представляла, как она будет работать, и главное, кем? Опыт утерян, профессия не сложилась.

– Содержание дома обходиться в 500 000 рублей каждый месяц.

– Мы его продадим, купим маленький, зачем нам такой большой дом, распустим прислугу. Или сами построим, я узнавала – это дешевле, – заторопилась Инга, прижавшись к нему и начиная дрожать, – начнем новую жизнь, пусть без роскоши, а я...

– А я в относительной роскоши живу с юности, – задумчиво перебил её Александр, оглядывая свою наивную супругу. – Так однажды твоя игра становится проводником Её благоразумия.

Инга опять ничего не поняла, но переспрашивать не стала.

– Что бы ни произошло – я буду с тобой. Слышишь?! У меня много, много недостатков! Но есть большое достоинство – я умею быть благодарной! – заговорила она, начиная плакать. Инга боялась отпустить его, будто он сейчас встанет и уйдет. Крупский запустил пальцы в её густые тёмные волосы и стал их мягко перебирать.

– Господи, как же я тебя люблю... Как же я тебя люблю... Люблю тебя, – закрывая глаза, как замороженная, повторяла про себя Инга.

Так они просидели почти час, не меняя позы. Только звуки полицейской сирены в квартале от дома нарушали их тишину. Тихая, почти священная грусть пронизывала Крупского, всё его сердце, всё его сознание. Переливаясь из головы в сердце и обратно. Прошлое уже стало казаться наивно вымученным. Его тайные игры, что рождали гипертрофированное чувство превосходства над другими, ничего, кроме раздражения, сейчас не вызывали в нём. Ему было так горько, что казалось Солнце уже не взойдёт никогда, а будет только эта горечь и страшная досада на себя. Дело всей его жизни и отца стало принадлежать другим людям. А огромный дом стал ещё больше, так, по крайней мере, казалось Александру. Крупский поднялся, подошёл к сейфу и положил в него револьвер. Подойдя к Инге, он взял в руки её личико и, глядя прямо в глаза, с тихим придыханием заговорил:

– А я тебя ненавижу и буду уже ненавидеть всегда, но я тебя не оставлю. И буду с тобой, до конца.

Он отвернулся и нервно зашагал по комнате. “Как бы ни были огромны мои потери, как бы ни были сильны мои боли, вживается новый день и новая ночь. Я Сверхчеловек...” – разговаривал он сам с собой, не замечая, как Инга тихо встала и с опустошёнными глазами вышла вон из кабинета. Крупский представлял, как в его офисе, в кабинете ходят чужие ноги, звучат новые голоса, на экраны смотрят глаза вновь набранных людей. Портрет отца, который висел на стене, бережно хранится сейчас в тумбочке секретарши Катеньки – она наотрез отказалась его выкинуть и оставила себе. Узнай об этом Крупский, он бы сильно удивился такому.

– Создать новую команду? – соображал за ужином Александр, ковыряясь любимой алюминиевой вилкой в картофельном пюре.

– Пап, а где Инга? Она обещала помочь мне с подмалёвком, я же новую картину начала писать, – спросила дочь, садясь за круглый стол.

– Инга? Милая, я думал, она с тобой.

– Нет, пап, её дома нет. Тебе что, не нравится ужин? По-моему, новый повар хорошо готовит. Не так, конечно, как прежний, но кушать можно, – и, посмотрев задумчиво на отца, добавила, – пап, а что теперь с нами будет?..

– Ребёнок мой любимый, не знаю. Но мы сильные, мы справимся. Я же гениальный организатор, будет новое дело. Не сразу, конечно, со временем...

– Пап, я в тебя верю! И буду тебе помогать. И Инга к нам присоединится. Я уверена.

– Знаешь первое правило успеха? Когда начинаешь новое дело, избавься сперва наперво от скептиков. Скептиков, – Крупский покрутил головой, – рядом нет, а это значит, мы с тобой обречены на успех.

“Анны Светловы буду загораться и гаснуть на моём пути, а Инга, видимо, будет всегда”, – размышлял Крупский и от этого было и горько, и хорошо одновременно. – “Эта диалектика всегда путала мужчину и мешала ему жить. Но от этого никто из нас не ушёл и не уйдёт, пока не изменится глобально психология мужчин и их внутренняя психодинамика. А способен это изменить только тот, кто изобрёл самого человека. Вечный поиск совершенной Евы. Новое Восхождение без внутреннего перерождения невозможно. Деньги любят тишину, а большие – молчание. Молчание – это не превозноситься над другими, это держать свои тайны в сердце”.

Собирая себя по кускам, он готовился к большим внутренним переменам. Стержень Созидания, так ярко живущий в нём, был сильно надломлен и только со временем стал понемногу проявляться и освещать ему новые горизонты. Это было и страшно, и ново – ведь всё начиналось сначала!..

– Сверхлюди – это всегда сверхсекс. Гипернаслаждение, – погружался в себя Крупский.

– Да, пап! – неожиданно вспомнила Настя. – Сегодня, когда я возвращалась с занятий по живописи... Пап, ты не слышишь? Пааап! Пап! Телефон твой звонит, возьми трубку, – дочь трясла над онемевшим отцом вибрирующий на все лады телефон. Крупский вздрогнул и, не сводя глаз с дочери, заговорил:

– Да? Я. Да, дома. Дочь со мной.

– Саша, милый, с Ингой беда... – отозвался Южный на том конце радиоволны.